Еженедѣльная литературная и общественно-политическая газета

МИНЧАНИНЪ

№ 4. Выходитъ по субботамъ. № 4.

Суббота, 28 декабря 1913 года.

Условія подписки

На 12 мѣс. съ дост. и перес.	1 р. 50 к.
на 6 мѣс.	— 80 к.
на 3 мѣс.	— 45 к.

на меньшіе сроки подписка не принимается.

Рукописи, не одобренныя къ печати, не возвращаются.

Цѣна отдѣльн. № 3 коп.

Плата за объявленія.

За строку петита передъ текстомъ.	30 к.
За строку петита позади текста	20 к.
Для лицъ, ищ. зан., за объявленіе въ 4 строки	40 к.

Редакція и контора помѣщаются по Койдановской ул. д. Либермана.

Редакція и контора открыты ежедневно отъ 12 до 2 ч. дня.

Цѣна отдѣльн. № 3 коп.

Отъ редакціи.

Въ виду поступающихъ въ редакцію отъ нашихъ читателей жалобъ на неудобосохраняемость газеты изъ за непрочности листового формата, мы рѣшили, несмотря на увеличеніе расходовъ, отнынѣ издавать газету „Минчанинъ" на болѣе плотной бумагѣ и въ видѣ брошюрованномъ.

О Рождествѣ Христовомъ.

Рождество Христово!

И это во истину было, во истину свершилось великое событіе! Родился Тотъ, Кто принесъ въ міръ свѣтъ, долженствующій озарять человѣчеству тотъ путь, который одинъ только ведетъ къ блаженной и вѣчной жизни.

Но для того, чтобы видѣть этотъ свѣтъ нужны были глаза, а для того, чтобы постигать его нуженъ былъ ясный умъ—глаза же людей, привыкшіе ко тьмѣ, не выносили свѣта, а смущаемый бредовыми представленіями умъ ихъ не понималъ Его.

И, не понимая Учителя, попрежнему горделивые и преисполненные высокомѣрія съ дикимъ ревомъ топали ногами, гнѣвались, озлоблялись и изнемогали во злобѣ своей; алчущіе попрежнему неустанно собирали груды золота и неистово, по

дурацки, хохотали, растянувшись на сокровищахъ своихъ; сластолюбивцы продолжали вдыхать въ себя запахъ потныхъ женщинъ, сквернословили и корчась въ отвратительныхъ судорогахъ, теряли свой разумъ и человѣческое подобіе, а бѣдные не переставали жаловаться, не вѣруя въ милость Господню, и захлебывались слезами въ отчаяніи своемъ.

Онъ же говорилъ имъ:

— Не озлобляйтесь, горделивые, ибо истинное благо въ смиреніи и всепрощеніи.

— Одумайтесь алчущіе, ибо не золото служитъ вамъ, но вы служите мертвому металлу.

— Остановитесь, сластолюбивцы, ибо слѣдуетъ жить не для плоти, а для Духа Божія.

— Не убивайтесь, бѣдные, ибо не погибнетъ тотъ, кто уповаетъ на Милость Отца Небеснаго.

Но они, развращенные и слабые умомъ, дивились тому, что Онъ говорилъ имъ, и пожимали плечами въ недоумѣніи своемъ.

— Что Онъ сказалъ намъ? спрашивали они.

И многіе смѣялись надъ Нимъ, а многіе обозлились на Него, говоря:

— Онъ мѣшаетъ намъ жить. Онъ учитъ насъ чему-то новому, доселѣ неслыханному. Онъ бунтуетъ народъ.

И, обступивъ, схватили Его.

И, принявъ отъ нихъ великое страданіе. Онъ взошелъ на небо.

Но простилъ Онъ ихъ и пожалѣлъ и не взялъ отъ нихъ Слова Своего.

И осталась Слово Его среди нихъ.

И стало Слово Его распространяться по землѣ и среди народовъ и будило Оно людскія сердца.

И образумились народы, послушавъ Слово Его, повѣрили въ него и поняли.

Прошли вѣка, а Слово Его все ходитъ въ мірѣ, и разгоняетъ Оно мракъ, разрушаетъ злые замыслы непокаянныхъ, умиротворяетъ сердца жестокихъ и утѣшаетъ скорбящихъ и падающихъ духомъ.

И пусть вооружаются народы другъ противъ друга, пусть точатъ мечи свои, пусть мудрствующіе лукаво ломаютъ голову надъ изобрѣтеніемъ новыхъ орудій смерти, пусть неисправимые сѣютъ вражду и ненависть среди людей и среди народовъ не устоять всему этому противъ животворящего Слова Его.

Ибо Оно всемогуще, ибо Оно вѣчно

Андрей Чернобородовъ.

Новый годъ.

Темной ноченькой старикъ
Саваномъ прикрылся,
Знать, къ морозу не привыкъ,
Въ чисто поле скрылся,
Заблестѣли звѣзды вдругъ,
Небо ярче стало,
Засвѣтился снѣжный пухъ,
Все возликовало.
А навстрѣчу молодецъ
Старцу показался,
На главѣ его вѣнецъ
Звѣздный красовался.
Молодцу старикъ чуть-чуть
Важно поклонился,
Уступивъ алмазный путь,
Молча удалился...

Елена Богопюбова.

***

Вы, алтаря огни, о тьму гоните
Изъ жизни прочь! Пусть въ кроткихъ трепетныхъ лучахъ
Звѣздой намъ путеводною сіяютъ.
Костромъ любви горятъ они въ людскихъ сердцахъ...

О, пусть востока лучъ, что про рожденье
Христа Младенца вѣстью радовалъ весь міръ
Мракъ побѣдитъ вѣковъ; пусть грудь согрѣетъ,
Среди вражды и злобы вѣчный сѣетъ миръ

Н. Машинъ.

ШТИЛЬ.

(Изъ найденныхъ замѣтокъ)

I.

Мой дядя, Петръ Ивановичъ Бабкинъ, владѣлецъ этой небольшой усадьбы, очень обрадовался моему пріѣзду. Онъ первый замѣтилъ приближавшійся тарантасъ и съ удивительной, несвойственной его лѣтамъ, ловкостью бросился ко мнѣ на встрѣчу

— Какой дорогой гость!—воскликнулъ онъ, и крѣпко обнявъ меня, потащилъ къ крылечку. А я было потерялъ на тебя всякую надежду, торжествовалъ онъ Петръ Ивановичъ замѣтно постарѣлъ за время нашей разлуки, но въ его рѣчахъ и манерахъ все еще виденъ тотъ же бойкій и славный старичокъ, какимъ я знавалъ его въ теченіе многихъ лѣтъ. Ко мнѣ онъ издавна питаетъ самыя нѣжныя почти отеческія чувства, и каждый мой пріѣздъ знаменуется въ его жизни, какъ настоящій праздникъ.

Пріѣхалъ я въ полдень, а вечеромъ уже сидѣлъ съ нимъ на берегу рѣки, недалеко отъ старой полуразрушенной мельницы и, любуясь солнечнымъ закатомъ, закидывали удочки въ тихія прозрачныя воды.

Ну-съ, мой милый Одиссей, что разскажешь новенькаго о себѣ—обратился ко мнѣ Петръ Ивановичъ, закуривъ свою черную обуглившуюся трубку Выкладывай, чай, ты уже тысячу дѣлъ переделалъ.

— Ни одного, къ сожалѣнію,—отвѣтилъ я.

— Какъ ты измѣнился! А всего годъ какой нибудь не видались—задумчиво, произнесъ дядя и словно застылъ въ молчаливомъ созерцаніи. Наступалъ вечеръ, сѣверный, мистически прекрасный и вѣяло отъ него той нѣжнойэлегической грустью, какою обдаетъ только красивая сѣверная женщина. Солнце недавно сѣло, и мягкія сумерки сгущались все болѣе и болѣе, только иа противоположной сторонѣ, гдѣ высились лѣсистыя горы, все еще играла ярко-алая полоса вечерней зари.

— Пойду распоряжусь на счетъ чаю—сказалъ мнѣ Петръ Ивановичъ, очнувшись отъ задумчивости. Онъ безшумно поднялся, взялъ удочки и шлепая по стариковски туфлями, направился къ дому, совершенно скрытому между деревьями.

Я остался и, полулежа на мягкой чуть-чуть подернутой росою травѣ, сталъ смотрѣть на широкую полноводную рѣку, поверхность которой слегка рябилъ свѣжій вѣтерокъ.

Въ бархатной синевѣ неба уже стали загораться одна за другой разноцвѣтныя звѣзды, и тонкій серпъ мѣсяца показался изъ-за темнаго лѣса.

46

Вскорѣ дядя вернулся, что-то напѣвая на ходу и держа въ рукахъ простыню и мохнатое полотенце.

— „Вотъ у кого слѣдовало бы поучиться,— подумалъ я съ невольной завистью, поглядывая на его тщательно выбритое веселое лицо, которое какъ будто говорило:

— „Все на свѣтѣ трынь—трава“!

— Будешь купаться?— спросилъ онъ, слегка коснувшись моего плеча

Я отвѣтилъ утвердительно. И минутъ черезъ пять мы были уже въ нѣжныхъ объятіяхъ хрустально-чистой воды. Послѣ знойнаго дня я словно ожилъ, очутившись, наконецъ,въ этой прохладной живительной влагѣ.

Я почувствовалъ, какъ грудь моя начала дышать ровнѣе и шире, какъ мускулы крѣпчали и въ головѣстало проясняться. Однако этободрое чувство быстро смѣнилось у меня прежней апатіей и безразличіемъ ко всему

Слава Зевсу, -думалось мнѣ.Я еще здоровъ, молодъ и долгая, быть можетъ, счастливая жизнь еще впереди, но сердце проклятое безжизненное сердце, кто лишилъ тебя жизни, кто разбилъ тебя? Помнится, что будучи еще совсѣмъ цвѣтущимъ и беззаботнымъ юношей, я гдѣ-то прочелъ знаменитое стихотвореніе Сюлли Прюдома о „разбитой вазѣ“. Безумецъ, я смѣялся тогда въ душѣ надъ этимъ бѣднымъ поэтомъ, ибо незрѣлый умъмой не могъ ещепостигнуть ужасающій трагизмъ человѣка, у котораго разбито сердце.

Петръ Ивановичъ уплылъ далеко и совсѣмъ было затерялся между высокимъ тростникомъ и аиромъ, а я, не умѣя плавать, долго плескался у берега, какъ подстрѣленная утка.

— Эй, поэтъ, гражданинъ, плыви за мною!.. закричалъ онъ издали и залился своимъ милымъ простодушнымъ смѣхомъ.

Я невольно улыбнулся.

Въ это время гдѣ то въ сторонѣ раздалось звучное обаятельное пѣніе. Пѣла, судя по сильному сочному голосу, молодая дѣвушка:

Чудный мѣсяцъ плыветъ надъ рѣкой
Все объято ночной тишиной
Ничего мнѣ и т. д.

Я глядѣлъ вокругъ, широко раскрывъ глаза, жадно прислушиваясь къ замиравшей вдали пѣснѣ и тщетно стараясь увидѣть фигуру деревенской пѣвицы.

— Кто это у васъ такъ дивно поетъ?—обратился я къ дядѣ, едва онъ только появился у берега.

— Пастушка ... Тараса Семеныча дочка-съ, какъ то нехотя и хитро улыбаясь, отвѣтилъ онъ. А что? славно поетъ шельма? И не дождавшись отвѣта, прибавилъ: почище, думаю, всѣхъ вашихъ напудренныхъ Зиночекъ и Ниночекъ.

Долго потомъ мы гуляли по широкой песчаной дорогѣ, усаженной по обѣимъ сторонамъ молодымъ цвѣтущимъ березнякомъ и орѣшникомъ.

— Какъ хорошо! - воскликнулъ я, жадно вдыхая въ себя свѣжій ароматъ ночи.—Вотъ теперь только я лучше всего чувствую всю ненормальность нашей городской жизни.

— Да у насъ тутъ привольное житье, не то что у васъ,—тихо отозвался Петръ Ивановичъ и принялся задумчиво, по старой памяти, декламировать изъ Ленау:

„Weil auf mir, du dunkles Auge“.

Устремивъ глаза къ звѣздному небу, онъ долго еще повторялъ величавыя строфы, и въ его голосѣ звучало столько любви и умиленія, что минутами мнѣ казалось, будто онъ творитъ молитву. Наконецъ онъ кончилъ, и въ изнеможеніи опустившись на ближайшій пень, заговорилъ:

— Когда то, во дни моей юности, я восторгался Шиллеромъ, Байрономъ, Ленау и другими выразителями міровой скорби. Я преклонялся передъ ними за ихъ беззавѣтную любовь ко всему страждущему человѣчеству, за ихъ улавливаніе самыхъ слабыхъ шороховъ всеобъемлющей жизни. Я самъ люблю скорбь. Это единственное, что было, есть и будетъ на землѣ.

II

Вчерашняя ночь особенно рѣзко врѣзалась въ мою память. Приблизительно въ полночь я проснулся, разбуженный какимъ-то страннымъ свистомъ. Сперва я не могъ сообразить въ чемъ дѣло и опять задремалъ, но свистъ все усиливался, и я раскрылъ глаза. Лунный свѣтъ наполнялъ всю комнату, и я явственно могъ различать старинную мебель и стѣны. Какъ всегда по ночамъ, съ высокой угловой печи, на которой имѣлись выпуклыя изображенія человѣческихъ фигуръ, одна за другой соскакивали большія жирныя крысы и, шмыгая по комнатѣ, быстро проскальзывали черезъ угловыя дыры въ подполье. Мнѣ стало душно и, наскоро одѣвшись, я вышелъ на крыльцо. Тихая свѣтлая ночь глядѣла съ неба на землю, и только странный свистъ какой то птицы нарушалъ безмолвіе ночи. Осторожно открывъ тяжелую калитку, я тихо пробрался въ садъ. Обширный и старый съ вѣковыми пахучими липами онъ весь былъ погруженъ въ глубокій мракъ, и оттуда, изъ этого мрака, неслись мнѣ навстрѣчу страстно тоскующіе звуки. Весь охваченный волненіемъ, я прислонился къ дереву и замеръ.. Мнѣ припомнилась такая же бѣлая ночь. Изъ сумрака прошлаго она выплыла и встала предо мной во всей своей красотѣ.Давно это было... и въ то же время какъ недавно! Мой добрый геній былъ тогда со мною.Мы плыли по рѣкѣ,по берегамъ которой стояли стройные высокіе тополи, придававшіе и безъ того чудной картинѣ ночи особенную прелесть. Яркій мѣсяцъ серебрилъ тихую гладь уснувшей рѣки, по которой легко и плавно скользила наша лодка. Она сидѣла у руля, вся бѣлая воздушная, слегка наклонивъ свой станъ, и говорила. Словно обвѣянный таинственными чарами, я слушалъ ея вдохновенную рѣчь, но ничего не понималъ.

Но что это?! Что она сказала? О, какой дикій крикъ отчаянія вырвался тогда изъ моей груди Съ неимовѣрной силою я ухватился за край лодки. Да.. да, ужъ если ей суждено умереть,такъ пускай хоть вмѣстѣ со мной. Но она уже обняла меня,и парализуя мою волю заговорила, что иначе это и быть не можетъ—тамъ чума и долгъ повелѣваетъ ей быть на своемъ посту. Она уѣхала и черезъ нѣсколько дней телеграфъ принесъ мнѣ ужасную вѣсть!...

Почему я не умеръ тогда?... Вѣдь въ ней я лишился послѣдняго преданнаго друга и остался такой же одинокій, какъ и тотъ старый камень, который я встрѣтилъ вчера у большой дороги, Ахъ.. да, осталась вѣра, вѣчная утѣшительница всѣхъ скорбящихъ и обремененныхъ и она не допустила самовольной смерти.

III

Вотъ уже нѣсколько дней, какъ я не дотронулся до своего дневника. Небывалое явленіе. Почти съ самаго дѣтства я привыкъ ежедневно запечатлѣвать въ немъ всѣ горести и радости пережитаго дня. Но за послѣднее время я совершенно охладѣлъ къ нему. Что дѣлалъ я за эти дни? Пропадалъ по рощамъ и лѣсамъ, усердно ловилъ рыбу, но за все это время не нашелъ ни минуты душевнаго спокойствія. Одна неотступная мысль овладѣла моей душой и угнетаетъ мой разумъ. Іуда Искаріотъ продалъ Христа и казнилъ себя за это, я же продалъ свою Любовь, но казнь моя еще впереди.

Какимъ образомъ эта мысль впервые проникла въ мой мозгъ? Трудно сказать. Есть еще очень

много загадочнаго и неизслѣдованнаго не только въ мертвой природѣ, но и въ самомъ человѣкѣ, природу котораго нельзя детально разсмотрѣть ни подъ самимъ усовершенствованнымъ микроскопомъ, ни въ произведеніяхъ величайшаго художника, которая быть можетъ ужъ давнымъ-давно извѣстна всѣмъ тварямъ земнымъ, но навсегда останется неразрѣшимой загадкой для человѣка.

Погода—чудо. Кругомъ невозмутимый штиль, только изрѣдка надъ озеромъ, по которому скользитъ мой челнокъ пронесется крикъ встрепенувшейся чайки или веселое ржаніе жеребенка донесется съ ближайшаго заливнаго луга.

Наступаетъ вечеръ и весь западный край неба горитъ багрово-краснымъ пламенемъ. Завтрашній день обѣщаетъ быть бурнымъ, но прекраснымъ. Но отчего это рыдаетъ моя душа и горько жалуется на судьбу:

Ужъ день прошелъ печальный мой,
Пора сомкнуть страдальцу очи,
И лучъ послѣдній золотой
Погасъ во мракѣ вѣчной ночи.

Я все ниже и ниже опускаю свою голову, и на меня изъ воды смотрятъ водяныя лиліи—печальные цвѣтки, какъ и тотъ цвѣтокъ смерти, который распустился въ моей груди. Медленно движется по широкому озеру мой челнокъ все далѣе и далѣе къ горизонту.

Луисъ.

Открытіе.

(Святочный разсказъ)

Какое поразительное сходство!— подумалъ Иванъ Ивановичъ, сжимая обѣими руками свою большую кудрявую голову. И какъ я этого до сихъ поръ не замѣтилъ.

Въ комнатѣ было накурено и душно, на полу валялись окурки папиросъ, корки апельсиновъ, бумажки конфектъ и чья-то потерянная лента.

Вся фигура Ивана Ивановича скорчилась и выражала необычайное уныніе, по его лицу расплылась глупая, безсмысленная улыбка и на лбу выступилъ холодный потъ.

Въ коридорѣ слышался еще смѣхъ и говоръ уходящихъ гостей, которые весело шаркали галошами, шуршали платьемъ и сильно хлопали дверьми.

— До свиданія!—колокольчикомъ звенѣлъ оттуда голосъ его жены и онъ казался ему теперь такимъ фальшивымъ, неестественнымъ.

Изъ спальни доносился плачъ его Гришутки, и къ величайшему удивленію Ивана Ивановича, этотъ плачъ, вопреки обыкновенію, не возбуждалъ въ немъ никакого безпокойства, онъ не вскакивалъ испуганный со своего мѣста, не бросался къ нему очертя голову, а продолжалъ безразлично сидѣть.

Ребенокъ плакалъ и Ивану Ивановичу чудилось будто нѣкто враждебный и невидимый пришелъ и перевернулъ все благополучіе его жизни, притаился гдѣ-то въ углу и неслышно хохочетъ.

— Ну, Ваня, какъ тебѣ понравился молодой Чертовъ, какое у него благородное лицо, не правда-ли? услышалъ онъ за собою ласковый голосъ его супруги, которая успѣла уже выпроводить гостей. Этотъ вопросъ больно укололъ его и онъ вскочивъ прошипѣлъ:

— Уходи, Маня, уходи!

Она уставилась на мужа, пораженная его необыкновеннымъ состояніемъ и, пожимая плечами неслышно вышла изъ комнаты.

II

Это было всего часъ тому назадъ.

Гости были говорливы и веселы и, воодушевленные чѣмъ то великимъ и необычайнымъ, они радостно чокались бокалами, поздравляя другъ друга со святымъ праздникомъ. Всѣ искренне восхищались роскошью его квартиры, ея необыкновенными удобствами, прочностью и опрятностью. „Уютное гнѣздо"—говорили ему учтивые гости и сердечно жали ему руку. На устахъ его играла счастливая улыбка и въ душѣ онъ чувствовалъ полное удовлетвореніе.

Но вотъ скрипнула дверь. Няня ввела за руку его Гришутку. Маленькій съ курчавыми волосами, голубыми глазами красными пухлыми губками розово-бѣлыми щечками, одѣтый въ коротенькое платьице онъ былъ очарователенъ.

— Какой милашка! воскликнули гости и начали по очередно обнимать и цѣловать его. Женщины страстно и звучно, а мужчины слегка сконфуженно и неумѣло.

Иванъ Ивановичъ сидѣлъ гордый и радостный оглядывая всѣхъ благодарнымъ взоромъ. Гришуточка, подозвалъ онъ своего сына. Тотъ весело подпрыгивая подбѣжалъ къ нему и стыдливо прижался къ его колѣнямъ. Иванъ Ивановичъ сталъ нѣжно гладить его волосы, впитывая въ себя ихъ пріятный ароматъ, чувствуемый только имъ однимъ.

— Иди ко мнѣ,—подозвалъ мальчика Хрустовъ, высокій и худой блондинъ съ веснушками, бывшій ближайшимъ другомъ ихъ дома.

Мальчикъ, робко озираясь и что-то лепеча подошелъ къ нему, и вдругъ Иванъ Ивановичъ съ ужасомъ замѣтилъ страшное сходство Гришутки съ Хрустовымъ: тѣ же глаза, тѣ же волосы, а главное та же улыбка.

Въ груди Ивана Ивановича что-то сразу оборвалось.

Ребенокъ вдругъ какъ-то исчезъ и вернулся преображеннымъ. Вмѣсто прежняго чуднаго Гришутки явился какой-то странный чужой мальчикъ, съ отвратительнымъ лицомъ, идіотски пошлой улыбкой, тусклыми ничего не говорящими глазами, рыжими волосами и длинными похожими на ходули ногами.

Иванъ Ивановичъ бросилъ испытующій взглядъ на присутствующихъ, и, къ ужасу своему, замѣтилъ, что и они какъ-то подозрительно посматриваютъ то на его сына, то на блондина. Другіе поглядывали и на него и ему казалось будто они смѣются, и онъ, невольно вспомнилъ съ какой настойчивой безцеремонностью жена, а за нею и всѣ знакомые хоромъ вопили:

— Въ отца, въ отца! посмотрите его носъ, его глаза, его лобъ высокій и выпуклый...

Каждая такая сценка вливала въ его сердце теплую струю любви къ его сыну. Приходя каждый разъ домой послѣ трудового дня въ канцеляріи, онъ бѣгалъ къ своему мальчику, хваталъ его на руки и дурачился, называя его разными ласкательными именами. Гришуточка, Гришуто-то-точка.

На Ивана Ивановича нашелъ какой-то столбнякъ. Казалось, что то дорогое умерло въ немъ, ушло, улетѣло...

Нѣтъ больше его Гришутки, нѣтъ больше его шейки, нѣтъ его животика, нѣтъ его ручекъ, которыя такъ нѣжно, такъ тепло обнимали его.

Куда же все это дѣлось?

Иванъ Ивановичъ хорошо сознаетъ что Гришутка все еще продолжаетъ спать въ его колыбелькѣ такимъ, какимъ онъ былъ всегда, но все же чего то нѣтъ уже въ немъ и никогда уже больше не будетъ.

III

Ив. Ив. быстро шагалъ по пустыннымъ улицамъ. Было вѣтрено и морозно.

По небу быстро мчались сѣрыя тучи и задѣ-

47

вали одную другую своими свѣтлыми краями. Мѣстами виднѣлось чистое небо и оно было враждебно и холодно.

Между облаками то прячась, то снова показываясь медленно плылъ мѣсяцъ. Въ воздухѣ вмѣстѣ съ ревущимъ вѣтромъ порою проносилось цѣлое облако снѣжной пыли, оставляя за собою бѣлые холмики.

Электрическіе огни при мгновенномъ порывѣ вѣтра какъ бы потухали и тутъ же снова ярко загорались.

Передъ нимъ, таинственно качая своей огромной широкой бородой, стоялъ городской садъ. Между деревьями бушевала вьюга, и въ глубинѣ сада кто-то незримый заливался веселымъ дьявольскимъ хохотомъ. Его потянуло туда. Тамъ, наединѣ со своимъ горемъ, наединѣ со своими странными мыслями онъ съумѣетъ успокоиться и прійти къ какому-либо рѣшенію. И онъ пошелъ по уединеннымъ аллеямъ большого сада.

— Иванъ Ивановичъ,—услышалъ онъ вдругъ за собой тихій голосъ. Онъ обернулся. Передъ нимъ ехидно улыбаясь, стоялъ пожилой господинъ и помахивалъ торчавшимъ изъ-подъ собельей шубы острымъ крючковатымъ хвостомъ. Изъ подъ шапки у страннаго незнакомца торчали два маленькихъ рожка. Во рту онъ держалъ огромную дымящуюся сигару. Учтиво поклонившись онъ сказалъ, выпуская изо рта большіе клубы дыма.

— Милостивый государь, вы на самомъ дѣлѣ думаете удрать отъ насъ? нѣтъ, это не по джентельменски, вы должны соблюсти приличіе и вернуться къ вашей почтенной супругѣ.

Иванъ Ивановичъ вспыхнулъ.

— Да позвольте, милостивый государь, кто далъ вамъ право угадывать мои мысли?

Ха, ха, ха раскатисто разсмѣялся незнакомецъ. Вотъ тэк-съ молодой человѣкъ, сохраните ваше достоинство, пускай ваша женушка преподноситъ вамъ ежегодно въ видѣ подарка чужого ребенка, пускай она флиртуетъ тайно и явно, пускай подъ вашимъ сердцемъ кошки скребутъ, вы сохраните свое достоинство, достоинство благороднаго мужа? И онъ снова разсмѣялся тѣмъ же хохотомъ, подпрыгнулъ, покружился, вскочилъ и полетѣлъ вверхъ.

— Au revoir, мосье, успѣлъ еще услышать Иванъ Ивановичъ его последнія слова. . . .

—

— Баринъ, вставайте, что вы на диванѣ спите, идите въ спальню,—будила Ивана Ивановича, одѣтая по праздничному прислуга. Онъ поднялся измятый и заспанный, сплюнулъ три раза и побрелъ въ спальню Жена спала спокойно и тихо. Щеки ея горѣли яркимъ румянцемъ. Пряди ея шелковистыхъ волосъ безпорядочно разсыпались по подушкѣ. Въ колыбелькѣ спалъ Гришутка. Въ пухлыхъ рученкахъ онъ держалъ игрушку „дѣдушку Морозъ", подаренную ему Хрустовымъ.

Раздѣвшись не спѣша и аккуратно сложивъ платье на стулъ, онъ прошелъ мимо жены и Гришутки, и, стараясь на нихъ не глядѣть, взобрался на свою кровать и быстро накрылся съ головой холоднымъ одѣяломъ.

Григорій Мышьяковъ.

У ограды смерти.

(Случай съ чиновникомъ.)

Иванъ Петровичъ Ивашкевичъ, мелкій гражданскій чиновникъ посылалъ къ самому черту хозяина дома, у котораго уже три года снималъ квартиру. Онъ уже успѣлъ примириться съ ежегодной прибавкой по рублю къ мѣсячной платѣ, но въ этомъ году у домовладѣльца разыгрался аппетитъ уже черезчуръ и накинулъ ему сразу четыре рубля къ ежемѣсячной восемнадцатирублевой арендѣ.

— И было бы, по крайней мѣрѣ, сносная квартирка,—негодовалъ онъ передъ единственнымъ своимъ слушателемъ, сосѣдомъ и по званію, тутъ оказія съ водой. Когда она нужна для домашняго обихода, то таскай ее съ пятаго двора, за то во время дождей она, не нужная претъ черезъ дырявую крышу и лѣзетъ въ дверь изъ вздувающейся сосѣдней рѣчки.

— А вотъ я же принялъ прибавку и не протестую, — возразилъ сосѣдъ. И гдѣ же найдете дешевле? Дороговизна, батерька, во всемъ и вездѣ,

— А я не поддамся, вотъ что, продолжалъ Иванъ Петровичъ въ томъ же духѣ. Главное дѣло не унимался онъ, въ томъ, что мы слишкомъ легко сдаемъ свои позиціи нашимъ домовладѣльцамъ. А посмотрите какіе аппартаменты я найму за двадцать два рубля въ мѣсяцъ и подальше отъ нашей рѣчки съ ея весенними и осенними капризами.

Дай Боже нашему теляти волка поймати,— отозвался сосѣдъ съ легкой усмѣшкой на прощанье А только какъ бы Вамъ Иванъ Петровичъ, не раскаиваться потомъ.

II.

Иванъ Петровичъ уже около мѣсяца ищетъ квартиру и безъ успѣха. Его квартира давно сдана другому, а хозяинъ дома не безъ злорадства торопитъ выбраться и даже намекнулъ на выселеніе.

Въ прежніе годы дешево, дороголи, но квартиры находились,—жаловался онъ своей супругѣ— но теперь ихъ совсѣмъ то нѣтъ. Старые жильцы крѣпко сидятъ на своихъ мѣстахъ, словно клопы въ складкахъ матраца.

— И умнѣе твоего поступаютъ. Знаешь, Минскъ тебѣ не деревня какая нибудь—огрызнулась на него жена, считавшая себя умной и опытной въ хозяйственныхъ вопросахъ. Она была сердита и за то, что супругъ разошелся съ хозяиномъ дома безъ ея вѣдома.

— И мы на улицѣ не останемся,—подбадривалъ себя Ив. Петровичъ, но на душѣ было скверно у него и въ мысляхъ былъ онъ согласенъ съ супругой своей.

И для Ив. Петровича начались безконечныя хожденія за отысканіемъ квартиры. Часто онъ приходилъ домой измученный отъ долгой ходьбы по улицамъ города, а квартира все не давалась, точно кладъ какой. То она оказывалась слишкомъ дорогой, то слишкомъ тѣсной, а часто хозяева требовали впередъ за полгода арендной платы въ размѣрѣ около ста рублей, что для чиновника еле дожидающагося двадцатаго числа, совсѣмъ не подъ силу. Къ тому его раздражало пренебрежительное отношеніе къ нанимателю со стороны домовладѣльцевъ, полагающихъ будто жилецъ звѣрь какой нибудь, которому всякая берлога впору. Ему показывали подвальныя, сырыя и холодныя помѣщенія, прикрашенныя только дешевенькими обоями, за которыя не стѣснялись запрашивать по двадцати пяти рублей въ мѣсяцъ. Но въ особенную ярость его приводили нелѣпыя требованія многихъ домохозяевъ съ ихъ нахальнымя разспросами. Его разспрашивали о составѣ его семейства сколько у него дѣтей и какого они возраста, держитъ-ли онъ прислугу и какая она.

Нѣкоторые хозяева требовали отъ него обѣщанія не приглашать къ себѣ часто гостей, такъ какъ они живя за стѣной, не могутъ переносить шума, нашлась и такая особа, которая категорически запрещала своимъ жильцамъ являться домой позже одинадцити часовъ вечера, и объ этомъ раньше предупреждала желающихъ снять въ ея домѣ квартиру.

— Я очень чутко сплю,—заявила ему эта до-

мовладѣлица, вдова полковника, —и малѣйшій стукъ хотя бы за тремя стѣнами въ домѣ, прерываетъ у меня сонъ на цѣлую ночь.

III

Про мытарства Ивана Петровича стало уже извѣстно многимъ изъ его сослуживцевъ.

— Вы бы Иванъ Петровичъ попробовали поискать за еврейскимъ кладбищемъ — посовѣтовалъ ему работавшій съ нимъ за однимъ столомъ Петръ Васильевичъ, — тамъ говорятъ, возвелось много новыхъ построекъ и цѣны значительно ниже городскихъ Что жъ, если въ городѣ среди живыхъ тѣсно, то надо подвинуться поближе къ мертвымъ, закончилъ сослуживецъ Ивана Петровича, весьма довольный своей мудрой сентенціей.

Ивану Петровичу эта идея понравилась. Въ одно снѣжное декабрьское воскресенье послѣ обѣда онъ отправился въ прилегающія къ кладбищу мѣста. Онъ дѣйствительно увидѣлъ тамъ новые дома, сіявшіе прелестью первыхъ дней рожденія. Нѣкоторые только что законченные постройкою уже были населены, другіе еще ждали внутренней отдѣлки, но ни на одномъ изъ нихъ не красовался обычный плакатъ „квартира въ наемъ".

— Неужели и тутъ уже всѣ квартиры заняты?—подумалъ онъ съ тоской

— Иванъ Петровичъ, здраствуйте. Какъ вы въ наши палестины попали?—услышалъ онъ окликнувшій его знакомый голосъ. Онъ оглянулся и увидѣлъ стоявшаго у воротъ, бывшаго курьера канцеляріи, прогнаннаго нѣсколько лѣтъ назадъ за неблаговидные поступки, Капустку

— Квартиру подыскиваю.

— Пройдитесь, пожалуйста дальше за три двора нѣкій Бубликовъ возвратилъ задатокъ одному квартиранту. Позвольте это на вашемъ дворѣ должно быть былъ недавно пожаръ?

— Не горитъ мерзавецъ, а давно бы пора.

И Иванъ Петровичъ поплелся дальше.

Становилось темно. Поднялся вѣтеръ и закружила метель.

Иванъ Петровичъ сбился съ дороги и пошелъ по снѣжнымъ сугробамъ. Вдругъ на него откуда не возьмись напала стая собакъ и Иванъ Петровичъ, убѣгая отъ нихъ и, проваливаясь въ снѣгъ по поясъ, очутился у кладбищенской ограды. Измученный и напуганный онъ оперся спиной о холодную рѣшетку Не успѣлъ онъ разобраться въ сонмѣ охватившихъ его чувствъ, какъ ему представилось страшное видѣніе, одѣтые въ бѣлые саваны и молитвенныя ризы, мертвецы закружились въ хороводѣ, какъ однажды ему случиколь видѣть въ синагогѣ. Мертвецы пѣли заунывную заливчатую молитву и „кружась одинъ за другимъ" хлестали его по лицу краями ризъ

Иванъ Петровичъ пустился бѣжать, ноги его подкосились и онъ упалъ . . .

Очнулся онъ въ квартирѣ Капустки и самъ Купастка подносилъ ему чай съ рождественскимъ пирогомъ.

Н. А. Машкилейсонъ.

СВИНЬИ.

I

Весною шли дожди, и трава на околицахъ, на выгонахъ, въ канавахъ около дороги и по бокамъ сонныхъ улицъ была густая и сочная, и потому у всѣхъ свиньи были рослы и плодовиты.

Свиней въ городкѣ было много, и онѣ съ ранняго утра до вечера стадами паслись по окрестностямъ, переходя съ возвышенностей въ лощины и изъ лощинъ на возвышенности, съ ранняго утра до вечера безъ перерыва щипали сочную траву острыми зубами, слабо помахивая тонкими, крючковатыми хвостами.

Но въ жаркіе дни когда солнце припекало уже черезчуръ, свиньи чувствовали потребность полежать часъ-другой и прохладиться, а потому за городомъ находились топкія ямы и обширныя болота съ мягкой и прохладной грязью. И когда наступалъ полдень, свиньи залѣзали въ ямы и болота, заваливались на бокъ и, пряча свои рыла въ нѣжную грязь, тихо кряхтѣли отъ удовольствія.

Такъ какъ свиньи сами не ходили пастись, то были въ домахъ мальчишки и дѣвчонки—подростки, которые чуть заря выгоняли свиней на пастбище. Свиньи ѣли свѣжую траву, нѣжились въ болотахъ, а мальчишки и дѣвчонки пеклись безконечными днями на солнцѣ, мокли подъ дождями, питаясь только чернымъ хлѣбомъ, и нетерпѣливо ждали той минуты, когда свиньи, почуявъ близость вечера, поведутъ на ночлегъ домой.

Свиньи, которыя водились съ поросятами, не ходили на пастбище, за городъ. Онѣ оставались дома и только медленно расхаживали по улицамъ важно хрюкая, заглядывали во дворы, чесались объ углы домовъ, а за ними пискливо взвизгивая, бѣгали шустрые разношерстные поросята и хватали ихъ за соски. Время отъ времени онѣ ложились въ тѣни возлѣ плетней и заборовъ и зажмуривъ глаза отъ наслажденія, отдавали свое молоко поросятамъ, которые быстро и жадно сосали, толкая въ животы матерей своими бѣлыми рыльцами.

На улицахъ было тихо, пустынно и безлюдно, и никого на нихъ не видно было, кромѣ гуляющихъ огромныхъ свиней со своими многочисленными поросятами.

Пока свиньи съ поросятами разгуливали по улицамъ, въ домахъ о нихъ заботились и приготовляли имъ пищу бабы и дѣвки. Бабы и дѣвки торопя другъ друга и подгоняя одна другую, говорили:

— Ѳекла, а Ѳекла, аль забыла, что надо въ траву идти! Свинья голодная ходитъ.

— Прасковья, я Прасковья, пора свиньямъ крапивки нарвать. Голодныя ходятъ.

— Акулина, а Акулина, иди нарѣжь трохи ботвинья. Свинья голодна.

И Ѳеклы, Прасковьи и Акулины, приносили мѣшки съ травой, рвали крапиву, рѣзали ботву и сваливали въ большія корыта. Потомъ все это долго рубили топоромъ или ножами, а по улицамъ носились однообразные, долго не смолкавшіе звуки;

— Чахъ, чахъ, чахъ! Чахъ, чахъ, чахъ! Чахъ, чахъ, чахъ!

Когда сѣчка кончалась, тогда темно-зеленую кашу перемѣшивали съ мукой, и Ѳеклы, Прасковьи и Акулины выходили за ворота и громко звали:

Дю, дю, дю, дю, дю, дю!

И со всѣхъ сторонъ бѣгали къ воротамъ съ громкимъ хрюканьемъ большія свиньи, помахивая тяжелыми ушами, а за ними бѣгали, перегоняя другъ друга, цѣлыя стада поросятъ. Между тѣмъ на дорогѣ показывались бѣлыя облака пыли, которыя медленно двигались къ городу. Это возвращались свиньи съ загородныхъ пастбищъ. Черезъ минуту всѣ улицы городка наводнялись черными бѣлыми и рябыми свиньями разной величины, которыя то здѣсь, то тамъ отдѣлялись группами и сворачивали въ ворота. За ними шли съ длинными кнутами мальчишки и дѣвчонки, босые загорѣлые и покрытые пылью.

Сонный городокъ оживлялся, во дворахъ шумѣли и слышались возгласы:

— Эй, Ѳекла, накорми свиней!

— Эй, Прасковья, впускай свиней!

48

— Эй, Акулина, загоняй свиней!

Скоро наступалъ вечеръ и въ городкѣ все опять стихало. Свиньи были накормлены и загнаны, а въ домахъ спѣшили и поторопились разлечься спать, чѣмъ по раньше, чтобы завтра чуть день встать и выгнать во время свиней на выгонъ. И когда наступала ночь нигдѣ не видно было огня и не слышно было звука, а только изъ хлѣвовъ слабо доносились протяжные вздохи, от дыхающихъ свиней.

II

У Бенедикта Никифоровича Драздули было трое свиней, одинъ кабанъ и двѣ свиньи и ихъ гнала на пастбище его четырнадцатилѣтняя внучка, Анютка. Драздуля когда то былъ землемѣромъ и имѣлъ семью, теперь же занимался хозяйствомъ и жилъ въ своемъ старомъ домикѣ только вдвоемъ со своей внучкой. Онъ былъ худой, съ козлиной русой бородкой, носилъ дырявый сюртукъ, потертую фуражку съ зеленымъ околышемъ и всегда ходилъ съ толстой суковатой палкой.

Каждый день, вытопивъ у себя печку и сваривъ картофеля Драздуля бралъ рѣшето и надѣвалъ рваныя перчатки и, повѣсивъ на дверяхъ маленькій замочекъ, отправлялся вдоль улицы, постукивая по землѣ палкой. Онъ шагалъ медленно, поворачивая голову направо и налѣво и, замѣтивъ у плетня или у забора кустикъ молодой крапивы, подходилъ, срывалъ пару вѣтокъ подлиннѣе и клалъ въ рѣшето, приговоривая:

— А молоденькія пускай пока подростаютъ. Пословица есть.

И отправлялся дальше.

Повстрѣчавъ гдѣ-нибудь свинью съ поросятами, Драздуля, обращаясь къ ней, говорилъ:

Ага, у тебя, милашка, ужъ приплодокъ есть, а мои свиньи, вотъ, еще такъ ходятъ. Молоды пока. Въ будущее лѣто, полагаю, и у нихъ поросятки будутъ. Пословица есть...

Иногда Драздулю встрѣчалъ на улицѣ Тимоѳей Суходольскій, хромоногій старикъ, который медленно двигался на своихъ огромныхъ костыляхъ.

— Здравствуйте, Бенедиктъ Никифоровичъ!

— Здравіе желаемъ, Тимоѳей Егоровичъ!

— Вы, значитъ, травку свиньямъ собираете? А я, вотъ, не могу. Ноги не позволяютъ.

— Все отъ Господа Бога, милый человѣкъ. Пословица есть...

— То-то, отъ Господа Бога. А въ молодости бывало, самъ пятерыхъ свиней за лѣто откармливалъ.

— Пятерыхъ свиней! Вотъ штука. А я за лѣто еле еле одну свинку откормлю.

— То-то, одну свинку. А и крапива тогда была, вотъ крапива. Въ человѣческій ростъ.

— Въ человѣческій ростъ! Вотъ штука. А теперь чтожъ она совсѣмъ чахлая.

— То то, чахлая. А и кабаны тогда были, вотъ кабаны. Съ добраго быка роста.

— Съ быка ростомъ! Вотъ штука. А теперь чтожъ они, настоящія кошки.

— То-то, кошки. А и плодовиты свиньи были вотъ плодовиты. Одинъ приплодокъ восемнадцать штукъ.

— Восемнадцать штукъ! Вотъ штука. А теперь всего шестеро бываетъ.

— То-то шестеро. А и щетина тогда была, вотъ щетина. Настоящія иголки.

— Настоящія иголки! Вотъ штука. А теперь чтожъ она, мохъ.

— То-то, мохъ. Согрѣшили мы значитъ

— Согрѣшили, милый человѣкъ. Пословица есть..

Когда Драздуля собиралъ крапиву вокругъ церковной ограды, съ поповскаго крылечка его окликала попадья Анастасія.

— Здравствуйте, Бенедиктъ Никифоровичъ!

— Здравія желаемъ, матушка!

— А вы все о своихъ свинкахъ озабочиваетесь.

— Свинья тожъ, матушка, живая тварь, въ кормленіи нуждается. Пословица есть...

— А много-ли у васъ свиней?

— Трое.

— Кабанчики или свинки?

— Одинъ кабанъ и двѣ свиньи.

— Черныя?

— Бѣлыя?

— А опоросилась какая?

— Нѣтъ матушка. Молоды еще. Въ будущее лѣто, полагаю.

— А у насъ одна свинка третьяго дня опоросилась, девятерыхъ поросятъ привела. Три черненькіе, три бѣленькіе и три желтенькіе.

— Это хорошо. Дай Богъ вамъ отъ нихъ проку.

— Спасибо, спасибо! Нашему брату отъ свинки доходъ.

— Разумѣется, доходъ, матушка. Пословица есть.

Воротясь домой съ рѣшетомъ, наполненнымъ крапивой, Драздуля перекладывалъ кропиву въ корыто, изрубалъ ее топорикомъ, затѣмъ садился на скамеечку подъ окошкомъ, отдыхать и ждалъ Анюту. Передъ домомъ растилалась широкая улица, вся поросшая зеленой травой.

Онъ сидѣлъ, держа на готовѣ свою суковатую палку, и если какая-нибудь свинья, поровнявшись съ его домомъ, хотѣла щипнуть травку, онъ пускался къ ней изо всѣхъ силъ, размахивалъ палкой и кричалъ:

— Аюцъ, аюцъ

— Иди, милая, кушай свое, а тутъ нашимъ свинкамъ травка пригодится. Пословица есть.

Анютка перегоняла свиней съ выгона на выгонъ, изъ оврага въ оврагъ, но къ полудню пригоняла ихъ къ рѣчкѣ. Она знала, что въ это время каждый день приходилъ на рѣчку купаться молодой поповичъ. Анютка была рослая и стройная, съ очень красивымъ личикомъ и съ гибкимъ бѣлымъ и красиво сложеннымъ тѣломъ. Она страстно любила красоту, и, проходя мимо рѣчки или болота, подолгу смотрѣла въ воду и любовалась на свое отраженіе, а иногда высоко поднимала юбку и восхищалась сверкающей на солнцѣ бѣлизной своего голаго тѣла.

Поповичъ былъ еще совсѣмъ молоденькій статный и бѣленькій, и очень ласковый. Онъ много и весело болталъ съ Анюткой, и она тѣмъ временемъ смотрѣла, какъ онъ раздѣвался, какъ съ шумомъ вбѣгалъ въ воду, какъ легко и красиво плавалъ, переворачиваясь то на животъ, то на спину и сердце у нея сперва трепетно билось, а потомъ странно и сладко замирало, и ей не хотѣлось уйти. Но по близости были огороды съ картофелемъ, и свиньи убѣгали и залѣзали въ огородъ, и Анютка съ болью въ душѣ убѣгала за ними, оглядываясь назадъ своими карыми горящими глазами

III.

Весь базарный день въ городкѣ ст шумъ, галдѣлъ народъ, лошади ржали и бе рывно, оглушительно и разноголосо виз свиньи. Около домовъ, заборовъ и плетней, базарной площади и вокругъ церковной огра стояли съ поднятыми вверхъ оглоблями во телеги и повозки, а возлѣ нихъ стояли привяз ныя лошади въ хомутахъ, жевали свѣжее сѣ топали ногами и помахивали хвостами.

На возахъ, телѣгахъ и повозкахъ лежали на соломѣ со связанными ногами черные бѣлые и желтые кабаны, свиньи и поросята, а возлѣ стояли съ трубками въ зубахъ мужики съ бородами бабы въ пестрыхъ платкахъ, парни, дѣвки, мальчики и дѣвченки Народъ галдѣлъ, божился, торговался, курилъ, сплевывалъ, пилъ водку изъ сверкающихъ на солнцѣ рюмокъ и закусывалъ баранками.

Происходилъ торгъ. Продавали и покупали свиней.

Подходилъ къ возу рыжебородый съ красной шеей колбасникъ. Ощупывалъ кабана и спрашивалъ:

— А сколько хошь за кабана то?

Мужикъ переглядывался съ бабой и нерѣшительно отвѣчалъ:

— Вѣдомо, пятьдесятъ цѣлковыхъ.

— Сорокъ, если хошь получай, Худъ.

— Ху-у-удъ? не выдерживала баба. Да я все лѣто крапиву сѣкла, мукой мѣшала пуще сына родного его кормила. Грѣхъ говорить, что худъ.

— Нѣ, за сорокъ то нѣ,— говорилъ мужикъ.

— Ну. сорокъ пять. Идетъ?

— Маловато.

— Ну пятьдесятъ. Давай по рукамъ.

И колбасникъ выставлялъ огромную ладонь.

Мужикъ вопросительно глядѣлъ на бабу.

— Ужъ кончайте. Дай Богъ корысти.

— Хлопъ! смыкались двѣ широкія лапы.

Иди, Маланья въ трактиръ за барышами, —посылалъ мужикъ стоявшую тутъ же дѣвку, вынимая деньги.

Выпивъ барышей, мужикъ и колбасникъ переносили кабана съ мужицкаго воза на телѣгу колбасника.

Кабанъ отчаянно визжалъ и хотѣлъ кусаться

— Держи, держи! - командовали они другу другу, упираясь въ землю подгибающимися ногами.

Продалъ одну свинью и землемѣръ Драздуля которую онъ вывезъ въ ручной телѣжкѣ на базаръ вмѣстѣ съ Анюткой.

Купилъ свинью на плодъ пожилой деревенскій мужикъ за двадцать два рубля.

Анютка принесла изъ трактира бутылку водки и связку баранокъ, и Драздуля съ мужикомъ расѣлись по краямъ телѣжки и стали не спѣша выпивать водку, постепенно входя въ благодушное настроеніе.

— На, выпей и закуси, - сказалъ Драздуля и подалъ Анюткѣ рюмку водки и три баранка,

— Чтожъ она, дитя то, внучка или дочка?— спросилъ мужикъ, набивая трубку.

— Внучка. Я то безъ семьи теперь, а она сирота, вотъ мы вмѣстѣ и живемъ, какъ Господь даетъ.

— Славная дѣвчина. И свинку должно быть, тожъ сама пасетъ.

Какъ же. Да ужъ третье лѣто пасетъ. Безъ нея чтожъ я?—Погибшій человѣкъ. Однимъ словомъ, погибшій человѣкъ. Пословица есть.

— Вотъ это хорошо, человѣку поддержка есть. А мнѣ то плохо; Просто бѣда! Мнѣ знаете. Богъ дочекъ не далъ. У меня два сына всего, ужъ поженились и отдѣльно живутъ. Вотъ приходится въ пастухи чужого хлопца нанимать. А тутъ попался намъ такой непутевый хлопецъ одинъ, изъ Балбасова самъ тоже сирота. Хлопецъ правду скажавши. вумный, нечего сказать да баловникъ большой, не приведи Господи. Вотъ передъ Пречистой выгналъ свиней въ поле, а самъ въ орѣшникъ пошелъ дудки дѣлать. Вотъ одна свинка, чертъ ее знаетъ какъ да и пролѣзла къ ковалю въ огородъ..

— Да я вашего коваля то знаю; высокій такой. черный, Съ ножами сюда пріѣзжаетъ.

— Ага, онъ самый. Даниломъ его звать. Да. Пролѣзла свинка въ огородъ къ нему, а ковалева баба, хлопецъ сказывалъ, сейчасъ увидала и согнала, съѣла можетъ быть картошинъ съ пятокъ. А я, правду сказавши пр это самое забылъ совсѣмъ, Вдругъ на позапрошлой недѣлѣ бацъ — повѣстка отъ земскаго пришла. Призывается значитъ Иванъ Солодуха на судъ за потраву, значитъ за свинью.—Околѣвай ты совсѣмъ, думаю. сгори ты съ свиньей и картошкою вмѣстѣ: Вотъ шельма! Да сдѣлать было нечего. Разъ повѣстка пришла, ужъ этаго не минешь—ѣхать надо. Поѣхалъ я за двѣ мили, рабочій часъ. погода. Пріѣхалъ я къ земскому, а тутъ гляжу, наѣхало народу не приведи Господи. Все на суды люди попріѣзжали, Со всего свѣту. Сидятъ около канцеляріи на травѣ, въ канавѣ разувшись и покуриваютъ. Отпрягъ я кобылу, подкинулъ ей сѣна а самъ пошелъ въ канцелярію. Народу тутъ— пальца не воткнешь. Идутъ суды. Слушалъ я слушалъ. Всюду одно лихо. думаю себѣ: свиньи да потравы. потравы да свиньи То свинья утку съѣла, ро свинья яблоню подрыла то свинья хлопцу ухо откусила. Чистая потѣха. Ну, давай я ждать. ждалъ ждалъ, ждалъ ждалъ. ажъ подъ самый вечеръ и насъ вызвали Иванъ Солодуха! Данила Бугай. Здѣсь? Здѣсь! Зачѣмъ Солодуха своихъ свиней въ чужой огородъ пускаешь? спрашиваетъ земскій. Никакъ нѣтъ ваше благородіе, говорю я не пускаю, Эго пастушокъ такой непутевый. говорю, плохо за свиньями глядитъ. говорю: Ваше благородіе. Вѣдь же не мнѣ самому свиней пасти говорю. Эго не мое дѣло говоритъ твоя свинья попортила ты и отвѣчай. Четыре рубля присудилъ уплатить ковалю Нелегкая его возьми. Плохо плохо безъ своего дитяти...

— Да, дѣло понятное, что и говоритч Пословица есть..

Распростившись съ мужикомъ Драздуля и Анютка собрались домой,

— Вези Анютка телѣжку а я буду идти себѣ сзади Охъ. пьянъ я сегодня немножко.

— Дѣдко купи мнѣ зеркальце, я хочу глядѣться.

— Зеркальце? Хорошо хорошо: куплю. А какое ты хочешь зеркальце?

— Бляшаное съ крышкой.

— Хорошо. Зайдемъ вотъ къ Лапину въ лавочку и купимъ.

Драздуля и Анютка вошли въ лавочку Лапиня.

— Здравствуй, Өедоръ Захарьичъ!

— Здравствуй Бенедиктъ Никифоровичъ

— Извини, братъ, я сегодня пьянъ.

— Продавалъ что, аль купилъ?

— Свинью продалъ.

— А я поросенка купилъ.

— Добрая свинка.

— Славный поросенекъ.

— Двадцать два рубля взялъ.

— Восемь рублей заплатилъ.

— А покажи ка, Захарозичъ. зеркальце моей внучкѣ.

— Можно А какое дать?

— Бляшаное, съ крышечкой,- -подхватила Анютка

Лапинъ досталъ съ полки коробку съ зеркальцами въ жестяной оправѣ.

Анютка выбрала одно, а Драздуля уплатилъ гривенникъ, и они вышли изъ лавки.

Анютка везла порожнюю тележку, а Драздуля шагалъ позади, веселый и красный, покачиваясь и стуча по землѣ суковатой палкой.

Солнце садилось. Народъ разъѣзжался, запрягали лошадей, закидывая черныя, красныя и синія дуги. Громко разговаривали пьяными голосами.

У воротъ стояли дѣвки и глядѣли на проходящихъ и проѣзжающихъ.

Погляди, вонъ землемѣръ идетъ пьяный—показала Ѳекла.

— Онъ сегодня свинку продалъ—отвѣтила Прасковья

— Онъ сегодня свинку продалъ, повторила Акулина.

Прійдя домой, Драздуля легъ отдохнуть, а Анютка умылась, расчесала волосы и стала смотрѣться въ купленое зеркальце. Личико было восхитительное. Особенно прелестны были грустные, карые и выразительные глаза. На щекахъ лежалъ легкій загаръ. Она смотрѣлась долго, внимательно и что-то щемило ей сердце. Вспоминался молодой поповичъ, и она растегнула на груди кофточку.

Грудь была удивительно бѣла.

IV

Настали осенніе дни. По небу ходили тяжелыя сѣрыя тучи, и по цѣлымъ днямъ моросилъ дождь. Дули холодные вѣтры и заплаканныя отъ дождя оконныя стекла вздрагивали. Огороды давно опустѣли и почернѣли калитки и дверцы были сняты, а изгороди во многихъ мѣстахъ разломались и завалились.

На улицахъ было безмолвно, уныло, грязно и только свиньи, и подросшіе за лѣто поросята, бродили по нимъ, мокрые и грязные, и грызли блеклую траву.

Теперь уже всѣ свиньи, которые были въ городѣ, не ходили за городъ пастись, а по цѣлымъ днямъ шатались по улицамъ, и закоулкамъ, хрюкали, собирались стадами на огородахъ и рыли землю, а иногда кусались между собой и протяжно и страшно взвизгивали.

Теперь онѣ всегда ходили съ грязными рылами и ногами, всегда мокрыя часто отряхивались и тогда отъ нихъ летѣли во всѣ стороны мелкія брызги. Были между ними и тѣ кабаны и свиньи, которыхъ нарочно откармливали на убой и которые въ скоромъ времени должны были быть заколотыми.

Въ домахъ готовили свиньямъ кормъ. По цѣлымъ днямъ парили картошку, рѣдьку, рѣпу и брюкву, выливали въ большія корыта, рубили, сѣкли, мѣшали съ мукой и отрубями, напуская вокругъ клубы душнаго пара, и бабы и дѣвки выходили за ворота босыя, съ подоткнутыми юбками и засученными рукавами, и громко и долго звали:

— Дю, дю, дю, дю, дю!

Наступили заморозки, и по временамъ порошилъ снѣгъ.

Въ домахъ приготовлялись колоть свиней которыхъ откармливали на убой.

Приглашали сосѣда, который мастеръ колоть и рано, чуть разсвѣтъ, входили съ зажженной лампой и длиннымъ, острымъ шиломъ въ хлѣвъ, выпускали всѣхъ свиней, кромѣ одной, круглой и жирной. Этой свиньѣ крѣпко связывали ноги, мастеру свѣтили лампой, а онъ нагнувшись, выбыралъ на груди свиньи нужное мѣсто и быстро вонзилъ въ него шило по самую рукоятку.

Заколотая свинья, судорожно встрепенувшись начинала издавать отчаянные протяжные и жалобные крики, которые постепенно становились все слабѣе и слабѣе и наконецъ совсѣмъ стихалъ, и изъ раны текла на навозъ темно-красная струя крови.

Мертвую свинью таскали на огородъ. Тамъ сперва изъ ея спины вырывали щетину, а потомъ разводили вокругъ нея костеръ, и долго соскабливали съ нея ножемъ обожженную шерсть.

Закололь къ Рождеству и своего кабана Бенедиктъ Драздуля.

Анютка крѣпко спала. Ей снилось, будто она пасетъ свиней около рѣчки, и видитъ, пришелъ купатьья молодой поповичъ. Онъ сѣлъ на кочку просить ее стащитъ съ его ноги блестящій, вычищенный штиблетикъ. Она почему то нисколько не стѣсняется, нагнулась къ нему и уже взяла его за ногу, но вдругъ страшно завизжала свинья, Ей надо идти посмотрѣть, что случилось, но ей не хочется выпустить изъ рукъ его ногу. А онъ смотритъ ей въ глаза своими ласковыми голубыми глазами и говоритъ: „Не иди, Анютка. Свинья завизжала еще страшнѣе, и Анютка проснулась.

Она услышала жалобные крики кабана доносившіеся изъ хлѣва.

Закололи кабана—догадалась она.

Когда Анютка, одѣвшись и накинувъ на себя теплый платокъ, вышла во дворъ, она увидала. что на огородѣ большой костеръ, а въ самой его срединѣ лежалъ, подогнувъ подъ себя ноги, точно дремалъ, бѣлый кабанъ.

Драздуля, одѣтый въ коричневое пальто и сосѣдъ Андрей Шишка сосредоточенно возились и хлопотали вокругъ костра Падалъ рѣдкій, мокрый снѣгъ.

Анютка подошла сѣла на корточки возлѣ костра и стала смотрѣть. Она еще похорошѣла Загаръ съ лица сошелъ.

Она смотрѣла задумчиво, припоминала видѣнный сонъ, и мигающій огонь отражался въ ея карыхъ, прекрасныхъ глазахъ.

Михаилъ Старосельскій

Редакторъ Издатель *М. Шофманъ.*

Минскъ. электро-тип. Гатовскаго и Юрщика, Богадѣльная ул. д. Левина.